

1902

ВАРВАРА НАПОНОВА
Тульская область,
Новомосновск

И он понял: вот что неожиданно пришло к нему, и теперь остается с ним, и уже никогда его не покинет. Я ЖИВОЙ, – подумал он.

Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков

Я просыпаюсь от игривых солнечных лучей, скачущих по одеялу. В комнате стоит легкий сумрак, лампадка давно погасла. За окном мычат коровы, слышен лай собак и шелест ветра, а в доме тихо. Все как обычно. Я сажусь на кровати, быстрым движением осеменяю себя крестным знаменем. Встаю, набрасываю на плечи рубашку и весело выбегаю из комнаты. В гостиной горничная с пунцовым лицом ползает на коленях и, тихо всхлипывая, поет «Символ Веры». Подняв на меня заплаканные глаза, просит помочь отыскать серебряную сережку. Я опускаюсь на пол и шарю рукой под комодом – вдруг закатилась? Ничего, только пыль. Я вскакиваю и бегу прочь. Вслед доносится: «Куда же ты, касатик?!» Но я уже тяну на себя тяжелую входную дверь и оказываюсь на залитой солнцем веранде. Здесь стоит давно накрытый стол. Дедушка в своем любимом кресле уже допивает чай. Я подбегаю и привычно прикладываюсь к его смуглой руке. Тем временем моя тянется за аппетитной булочкой с маком. Я сжимаю ее и тут же получаю затрешину картузом. Дедушка смотрит на меня осуждающе: «Не молился,

не крестился! Матушка скоро с обедни воротится, а ты только глаза открыл! Надо было бабушке с собой тебя взять к батюшке Иоанну Сергиеву в Кронштадт, жаль, что от Тулы путь не близок!» Я стою, понутив голову, изо всех сил делая виноватый вид, но мысли мои далеко, на речке, с ребятами, а пальцы нетерпеливо ломают хрустящую корочку булки, погружаясь в еще теплый мякиш.

– Ну что уж там, беги! Ребята заждались уже, поди! А я тут посижу, чай допью, с пчелками. – И дедушка легко смахнул с варенья особо наглую пчелу.

Наконец дождавшись дедушкиного благословения, я сбегаю по нагретым ступеням и оказываюсь во дворе. Подбегая к калитке, краем уха слышу, как кухарка торгуется с соседом за налимов.

Я врываюсь в новый день. Босые ноги несут меня по склону вниз, по пыльной дороге, вперед, вперед, к реке! Я бегу, откусывая булочку, набираю скорость и вдыхаю полными легкими запах свежескошенной травы и полевых цветов. Я бегу.

На Упе людно. Бабы стирают, судачат, крикуют на расшалившихся ребяткишек. Мужики на лодках задумчиво курят махорку, вполголоса радуются щедрому улову. Малыши соорудили запруду, натаскали головастика и кормят их мухами.

Я замечаю Петьку, притаившегося в кустах. Он кидает на меня предупредительный взгляд.

Кричу: «Я на новенького!» – и, не дожидаясь ответа, начинаю громко считать:

– Пять... четыре... три... два... один... Я иду искать! Кто не спрятался – я не виноват!

Оглядываюсь по сторонам. Ребят нигде нет. Осторожно делаю несколько шагов и оглядываюсь еще раз. Потом еще. И начинаю искать. Петька залез на дерево, Федор притаился в овраге, двойняшки Витька и Ванька спрятались за кучей валежника... А где же Захарка?

Все вместе мы принялись искать Захара. Через десять минут стали кричать: «Захарка! Захарка, выходи!» Тишина.

Мы в недоумении собрались на берегу.

– А может... Может, он... утоп... – одними губами прошептал Павлуша и широко перекрестился.

На секунду все затихли. Потом загалдели вразнобой: «Утоп, утоп!»

– Че орете? Туточки я. Заснул.

Из-под перевернутой щербатой лодки, покрытой засохшей тиной, вынырнула лохматая голова Захарки.

– Дак мне бабка сказала: «Утопнешь – домой не приходи! Лозиной высеку! Да так, что неделю сидеть не сможешь!»

Мы вновь загалдели: «Живой, живой! Захарка жив! Во напугал, негораздок! За то ты теперь водишь!»

– Пять... четыре... три...

Я заматал головой в поисках укрытия. Вот оно! Кусты камышей шумели у берега. Я нырнул в заросли и затих.

– Я иду искать!

Сквозь решетку тонких стеблей я видел, как Захарка двинулся в противоположную от меня сторону, к подлеску. Я ликовал! Вскоре ребята один за другим были найдены. Я слышал их веселые голоса, смех и споры. Тем временем мои ноги все глубже погружались в скользкий ил, противные мальки шипали кожу беззубыми ртами. Кроме того, я начал замерзать. Внутри закипала злоба на Захарку: они там забавляются, а меня кто искать будет?! От дуновения ветра по моей спине побежали мурашки.

Это стало последней каплей! Я собирался было выскочить, но тут услышал долгожданное: «Тиша, выходи! Сдаюсь!»

Холод отступил. Гнев прошел. Сердце заколотилось от восторга. Я, с улыбкой до ушей, выскочил на берег, оставляя на песке мокрые следы, и, размахивая руками, вопил: «Тара-бара, вперед игра! Коров доить, тебе водить!»

Реку уже тронули сумерки, когда мы, грязные и довольные, пошли по домам. Поднимаясь по крутому склону, я оглянулся. Кругом было очень тихо. Легкий водяной пар сгушался, где-то вдалеке, на другом берегу, кричала печальная птица. Я полной грудью вдохнул прохладу надвигающейся ночи и пустился догонять друзей. Постепенно наша орава редела.

А вот и моя калитка. Пригладив рукой взерошенные волосы, я толкнул кованую дверь, и меня обдало запахом полыни и парного молока. Только сейчас я понял, насколько голоден, и мигом очутился на пороге. Еще раз обернулся на подступающую ночь и зашел в дом. Моего появления никто не заметил. Горничная суетилась, накрывая на стол. Я попытался на цыпочках пробраться в свою комнату, но тут дорогу преградил отец. Его строгий взгляд пронзил меня до самой души. Я затаил дыхание.

– Дед на тебя снова жаловался. Сил моих с тобой уже нет! Хорош колобродить, лодырь, высеку ведь! Марш за стол!

И я побежал к себе переодеваться.

«Локти со стола убери!» – пихает меня в бок мать. Я опускаю руки и пустым взглядом смотрю на накрахмаленную скатерть. Тульский самовар пышет жаром прямо мне в ухо. Печатные пряники сочатся медом. Живот благодарно урчит. Мне скучно. Мои мысли все еще там, на берегу реки, в поисках Захарки. Горничная убаюкивающе позвякивает посудой. Я пытаюсь разобрать, о чем говорят взрослые. Мерно гудят голоса про бабушку, Иоанна Кронштадтского, сенокос, наш церковный приход, налимов... Я чувствую, что засыпаю...

На мягких ногах иду к себе в комнату, скидываю одежду и забираюсь в прохладную постель. Со стены строго смотрит на меня Святитель Тихон Задонский. Его лик в дрожащем свете лампы темный и суровый. Я робею и быстро крещусь. Шепчу слова молитвы, и тьма отступает, а образ Святителя Тихона ласково улыбается мне... Я закрываю глаза и вновь чувствую легкий ветер в волосах, чувствую, как листья камыша царапают мои руки, и слышу, как Захарка считает: «Пять... четыре... три... два... один...»

